Дальше — страннее

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

СТАНЦИЯ ЗАБЫТЫХ СВИДЕТЕЛЕЙ

Кирилл Верден

Кирилл Верден
Станция забытых свидетелей

https://litres.ru/74831064
SelfPub; 2026

Аннотация

Архивист Кирилл находит документ, согласно которому он погиб в детстве. В тот же день ему звонит незнакомец и предупреждает: нужно найти старый снимок, пока он не попал в чужие руки.

Фотография приводит Кирилла к Наталье, чей отец исчез много лет назад. Вместе они возвращаются к событиям на станции Берёзки, где после отправления последней электрички пропала женщина.

Чем больше документов удаётся найти, тем яснее становится: кто-то годами скрывал правду. И теперь этот человек готов сделать всё, чтобы она не вышла наружу.

У каждого свидетеля была причина молчать. Но кто из них решится заговорить?

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 13
Глава 3 20
Глава 4 27
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Кирилл Верден
Станция забытых свидетелей

Глава 1

Глава 1 **ЗВОНОК В АРХИВ**

Первый звонок поступил в то утро, когда я нашёл в архиве собственное свидетельство о смерти.

Я переворачивал карточки за столом у окна и сначала решил, что передо мной однофамилец. Кириллов в городе хватало. Но дата рождения совпадала с моей, а в графе «родители» значилось имя матери.

В графе «дата смерти» стояло: 14 ноября 1994 года.

В тот день мне было восемь лет.

Я закрыл папку и положил ладонь на картонную обложку. На ней остался пыльный отпечаток. За окном загудел автобус, по мокрому стеклу поползла капля. Всё было на своих местах, кроме одного: я сидел за этим столом, дышал и не собирался умирать.

— Опять нашёл сокровище? — спросила из коридора Тамара Львовна.

Она работала в архиве двадцать семь лет и считала, что

сокровища бывают двух видов: документы, которые искали другие, и документы, о которых лучше забыть.

— Пока не знаю.

— Тогда не делай такое лицо. У нас от него коробки портятся.

Я хотел показать ей лист, но в кармане завибрировал телефон.

На экране высветилось: «Номер скрыт».

— Служба доставки? — предположила Тамара Львовна.

— Вряд ли.

Звонок оборвался. В журнале осталась запись «Неизвестный номер», без цифр и имени. Я нажал на неё, но позвонить в ответ не получилось.

Тамара Львовна уже унесла поднос со стаканами в свою комнату. Я снова раскрыл папку.

Название на обложке было написано от руки: «Берёзки. Личные дела. Опись 7». Бумаги поступили к нам после закрытия ведомственного архива при старой станции. Я разбирал их третью неделю: табели, заявления на отпуск, счета за ремонт путей. Среди них и лежала эта тонкая карточка.

Только приглядевшись, я понял, что это не свидетельство о смерти. Копия заявления о выдаче такого свидетельства. Внизу — подпись моей матери и штамп: «Отказано. Сведения не подтверждены».

На полях кто-то карандашом написал: «Выбыл с последней электричкой».

Я перечитал фразу трижды.

О последней электричке в нашем городе говорили по-разному. Одни уверяли, что в ноябре девяносто четвёртого состав встал в лесу и пассажиры два часа мёрзли в вагонах. Другие — что один вагон вовсе не вернулся. В детстве я слышал эту историю от соседей, но мать пресекала разговоры.

«Не всякая дорога ведёт туда, куда ты думаешь», — отвечала она и меняла тему.

Мать умерла шесть лет назад. Спросить было некого.

Я проверил оборот карточки. В углу виднелся след от скрепки и круглый светлый отпечаток, будто здесь долго лежала монета. Ещё ниже — номер дела: 13/0.

Я записал его в блокнот. В этот момент телефон снова завибрировал.

Снова скрытый номер.

Я ответил прежде, чем успел передумать.

— Алло?

Несколько секунд я слышал только негромкое потрескивание. Потом раздался мужской голос, усталый, немного хриплый:

— Не оставляйте папку на столе.

— Кто вы?

— Найдите снимок. Пока они не нашли его раньше вас.

— Какой снимок?

На линии щёлкнуло. Я услышал ещё что-то: длинный свист, затем два коротких. Звук напомнил сигнал поезда,

только очень далёкий.

Связь оборвалась.

Я застыл с телефоном в руке. Кто-то знал, чем я занимался в архиве. Я посмотрел на дверь и окно: из коридора мой стол был виден через стеклянную вставку.

В журнале остались две записи «Неизвестный номер». Время первой — 10:16, второй — 10:24. Перезвонить по ним было нельзя.

В 10:26 в дверь постучали.

На пороге стоял мужчина в тёмной куртке. Не посетитель: в читальный зал без пропуска не пускали, а на его груди болтался бейдж технической службы.

— Проверка датчиков, — сказал он. — Можно на минутку?

Я подвинул папку к себе.

— Сегодня проверка?

— В графике. Тамара Львовна знает.

Он прошёл к стене, где под потолком висел белый коробок датчика дыма. Достал отвёртку. Но к датчику не прикоснулся: посмотрел на мой стол, на папку, на меня.

— Опись с железной дороги? — спросил он.

— А что?

— Просто спросил.

Тамара Львовна появилась так тихо, что мы оба вздрогнули.

— У нас нет сегодня проверки, — сказала она. — Кто вас

впустил?

Мужчина опустил отвёртку.

— Перепутал кабинет.

— И учреждение, наверное. Наши техники носят синие бейджи. У вас зелёный.

Он улыбнулся, извинился и вышел. Из окна я увидел, как он пересёк двор и скрылся за углом. Машину разглядеть не успел.

Тамара Львовна закрыла дверь на ключ.

— Теперь показывай, что нашёл.

Она долго смотрела на карточку. Лицо у неё стало серьёзным, совсем не таким, как обычно.

— Заявление действительно от твоей матери?

— Подпись похожа. Я помню её по письмам.

— У вас тогда что-нибудь случилось?

Я хотел ответить «нет», но вспомнил больничную фотографию. Мне лет восемь или девять, голова перевязана, мать стоит у кровати. Когда я спросил, почему лежал в больнице, она сказала: упал с велосипеда. Фотография пропала после её смерти; я искал её в семейном альбоме и не нашёл.

— Не знаю, — сказал я. — Может быть.

— Сними копию. Оригинал мы обязаны оставить здесь, а вот посмотреть остальные документы по описи можем вместе.

Мы принесли ещё две коробки. В первой лежали ведомости на уголь, во второй — документы о закрытии станции

Берёзки. До последней папки мы добрались к обеду.

На обороте акта о передаче нашлась приписка: «Материалы 13/0 выданы по запросу. 16.11.1994». Подпись — неразборчивая, но фамилия получателя читалась: Миронов.

— Начальник станции? — спросил я.

Тамара Львовна покачала головой.

— Дежурный по станции. Сергей Миронов. У него дочь приходила лет десять назад, искала сведения об отце. Кажется, Наталья.

— Нашла?

— Не помню. Но помню, что плакала, когда уходила.

Я сделал копию акта. Оригинал карточки вернул в папку, папку — в коробку. На замок хранилища Тамара Львовна сама повесила пломбу.

Мы оба понимали, насколько это ненадёжно. Если человек с зелёным бейджем сумел попасть в здание, он мог вернуться ночью. Но убирать документы без регистрации было нельзя: тогда исчезновение заметили бы не сразу, а виноватым сделали меня.

Уже перед уходом я нашёл в каталоге адрес, оставленный Натальей Мироновой при её обращении. Тамара Львовна напомнила, что персональные данные посетителей нельзя выдавать кому попало. Я попросил её самой связаться с Натальей и передать мой номер. Она согласилась, но предупредила: адрес старый, и ответ может не прийти.

Дома я поставил на плиту чайник, положил перед собой

копию карточки и вспомнил, как мать однажды забыла закрыть дверь кладовки.

На верхней полке стояла жестяная коробка из-под печенья. Я потянулся к ней, но мать вошла и так резко крикнула, что я уронил табуретку.

— Туда нельзя, Кирилл.

— Почему?

— Потому что я попросила.

Потом она обняла меня и долго гладила по голове. Я тогда решил, что дело в разбитой чашке: её осколки лежали рядом с коробкой. Но теперь вспомнил и другое. Мать держала в руке фотографию. На обратной стороне были написаны цифры, кажется, тринадцать и ноль.

Кладовку после её смерти я разбирал сам. Коробку не нашёл.

Чайник выключился. Почти сразу кто-то позвонил в дверь.

На пороге никого не было. На коврике лежал небольшой конверт. Я поднял его и почувствовал под пальцами плотный картон.

Внутри оказался обрезанный снимок: край железнодорожной платформы, колено человека в светлом пальто и детская рука, вцепившаяся в его рукав. Лиц не было видно. Снимок оборвали неровно, будто торопились.

На обороте карандашом было написано: «Дом 13. Квартира 0».

Я сбежал вниз. На лестнице пахло сыростью и чьим-то ужином. У подъезда женщина выгуливала собаку, но никого с конвертом не видела.

Дома я положил снимок рядом с копией карточки. На фотографии, возле самого разрыва, угадывался кусочек станционной таблички: две буквы «КИ».

Берёзки.

В прихожей снова зазвонил телефон. На этот раз номер определился: Тамара Львовна.

— Кирилл, я нашла старый телефон Натальи. Дозвонилась до неё. Она сказала, что у неё тоже есть фотография. И просила передать: не ходи в дом тринадцать один.

— Она сказала почему?

— Сказала, что там уже побывал человек, называвшийся техническим работником.

В трубке что-то треснуло. Тамара Львовна выругалась на плохую связь и продиктовала номер Натальи.

Я набрал его сразу. Гудки шли долго. На шестом звонке ответили.

— Вы Кирилл? — спросила женщина.

— Да. У меня часть снимка.

— А у меня другая. Но, кажется, не только у нас.

В этот момент свет в моей квартире погас.

Не во всём доме: за окном продолжали гореть окна соседей. Только у меня стало темно.

— Вы меня слышите? — спросила Наталья.

Из прихожей донёсся тихий металлический щелчок.

Кто-то пробовал мой замок.

Старое дело остаётся закрытым ровно до тех пор, пока кто-то не решит проверить, что в нём скрыли.

А вы открыли бы дверь человеку, который знает о вашем прошлом больше вас?

Глава 2

Глава 2 **ПИСЬМО ИЗ 1994 ГОДА**

Я не открыл дверь. Сначала позвонил в полицию.

Пока дежурный уточнял адрес, щёлканье прекратилось. Я слышал через дверь быстрые шаги, затем хлопок подъездной двери. Во двор вышел человек в тёмной куртке и сел в машину без света. Номер я разобрать не успел.

Электрик, которого позже вызвал участковый, обнаружил в щитке вывернутую пробку. Следы на замке сфотографировали, заявление у меня приняли. О том, кто и зачем приходил, полицейские обещаний не давали.

Наталья всё это время оставалась на связи. Я несколько раз просил её повесить трубку — она отвечала, что подождёт, пока приедет наряд. Только когда участковый постучал в дверь, она сказала:

— Завтра в одиннадцать. Кафе напротив вокзала. Принесите снимок.

Утром я позвонил Тамаре Львовне. Она была уже в архиве и успела проверить хранилище.

— Пломба целая. Но начальник велел коробку временно закрыть для работы. Утром пришёл запрос из городской администрации: якобы ошибка в описи.

— Кто подписал?

— Заместитель главы по имуществу, Гордеев. Сказал, что документы будут проверять их специалисты.

Сергей Гордеев. Фамилия была знакома: местные новости регулярно показывали его на открытии детских площадок и ремонте дорог. Ещё он возглавлял совет фонда, который собирал деньги на восстановление старого вокзала.

— Выдали ему коробку?

— Нет. Официального основания пока нет. Но Кирилл, там серьёзная подпись. Не думай, что я смогу тянуть бесконечно.

Я поблагодарил её и отправил фотографии карточки и акта себе на почту. На всякий случай — ещё и старому школьному другу, адвокату. Написал, что объясню позже.

Наталья ждала у окна. На столе перед ней стояла чашка нетронутого кофе. Она была в сером пальто, с короткими тёмными волосами; в руке держала бумажную папку, притиснутую к коленям.

— Вы принесли? — спросила она вместо приветствия.

Я достал конверт. Она осторожно положила рядом другой обрывок.

Мы соединили края. Они совпали не полностью: между ними не хватало узкой полоски. Но картина стала понятнее. На платформе стояла женщина с девочкой. В глубине виднелся вагон электрички. У двери — мужчина в форме железнодорожника. Его лицо было смазано, будто он отвернулся в момент съёмки.

— Это мой отец, — сказала Наталья. — По форме и по руке узнаю. Он обжёг пальцы, когда был молодой. Видите, как держит папку?

Я приблизил снимок. Действительно: пальцы правой руки были согнуты неестественно. У дверей вагона стоял ещё один человек, но третьего куска фотографии не было.

— Откуда ваш обрывок?

— Пришёл по почте позавчера. Вместе с письмом.

Она раскрыла папку и вынула лист. Бумага пожелтела по сгибам, чернила местами выцвели.

«Наташа, если это письмо до тебя дошло, значит, я не сумел вернуться и объяснить всё сам. Найди негатив. Отпечатку верить нельзя: его можно разрезать. Негатив покажет, кто стоял у последнего вагона.

Не ищи его на станции. И не отдавай тем, кто скажет, будто защищает тебя.

Папа».

На обороте стояла дата: 17 ноября 1994 года.

— Вы уверены, что это его почерк?

— Я сверила с открытками. И с распиской, которую он оставил маме. Но сам лист могли написать тогда, а отправить сейчас. Штамп на конверте — нынешний.

— Кто знал, где вы живёте?

— Многие. Я не пряталась.

Она говорила спокойно, но пальцы постоянно поправляли край папки. Я рассказал о карточке, звонке и вчерашнем

посетителе архива. Когда дошёл до фамилии Гордеева, Наталья отвела взгляд.

— Вы его знаете?

— Его отец был начальником станции. Григорий Гордеев. В девяносто четвёртом мой отец работал у него в подчинении.

— Ваш отец исчез?

— Так говорила мама. Вернулся с работы, забрал документы и ушёл. Она считала, что к другой женщине. Через год подала на развод, но его не нашли, чтобы вручить бумаги.

— А вы?

— Я считала, что он нас бросил. Так было проще.

Она впервые посмотрела на снимок не как на улику, а как на вещь, которую трудно держать в руках.

— Три года назад умерла мама. В её ящике лежало заявление в милицию о пропаже отца. Копия. Она ведь врала мне не потому, что ничего не знала. Она врала, потому что боялась.

Я заметил у стойки мужчину с газетой. Он пришёл после меня, заказал воду и с тех пор ни разу не перевернул страницу. Может, ждал кого-то. Может, читал медленно. Но когда Наталья обернулась, он поднялся и вышел.

— Это он вчера был у вашего дома? — спросил я.

— Не знаю. Вчера я увидела только машину.

Мы рассчитались и вышли через заднюю дверь. Во дворе кафе пахло мокрым картоном. Наталья показала мне кон-

верт, в котором пришло письмо. На клапане остался бледный отпечаток круглой печати: три буквы, последняя — «К».

— Вокзал? — предположил я.

— Или что-то оканчивается на «к». На моём конверте ещё была пыль, красноватая. Я положила его в пакет.

Она не выглядела человеком, который привык вести расследования. Но за два дня успела сохранить то, что я мог бы выбросить.

— Тамара Львовна сказала про дом тринадцать. Почему туда нельзя одному?

— Вчера я съездила туда. Квартира ноль — бывшая комната дворника в подвале. Дверь была приоткрыта, хотя дом стоит пустой. Внутри кто-то ходил. Я услышала, как мужчина разговаривает по телефону: «Негатива нет. Но она приедет».

— Может, говорил не о вас.

— Может. Я не стала выяснять. Уехала и увидела в зеркале машину. Она повернула за мной два раза. Третий я сделала нарочно. Она тоже.

Я предложил обратиться в полицию. Наталья согласилась, но сначала хотела показать мне кое-что ещё. Мы вернулись в кафе и попросили официантку разрешить оставить у неё на минуту папку, чтобы сделать фотографии. Потом вдвоём отправили копии письма, конверта и снимка на свои адреса.

— Теперь, если папку заберут, останутся хотя бы копии, — сказала Наталья.

— Негатив по копии не найдём.

— Зато кто-нибудь будет знать, что мы искали.

По дороге в отделение она рассказала, что дом 13 прежде принадлежал железной дороге. В нём жили работники станции. После закрытия общежития жильцов расселили, а здание передали городу. Сейчас планировался снос.

— Откуда вы знаете?

— Я написала запрос в администрацию месяц назад. Получила ответ:объект пустует, архив жильцов утрачен.

В отделении наши показания записали. Про фотографии и давнее исчезновение отца Натальи нам посоветовали подать отдельное заявление с копиями документов; про вчерашнюю слежку — указать приметы машины, насколько мы помнили. Наталья не пыталась выдать догадки за факты. Я тоже.

Выйдя на улицу, мы оказались у старого вокзала. За забором стояли строительные вагончики. К воротам был прикреплён плакат фонда: «Вернём городу историю». Ниже — улыбающийся Гордеев-младший в каске.

Рядом с ним на фотографии стояла пожилая женщина. Я увидел её фамилию в подписи: «Галина Серова, председатель общества краеведов».

Наталья проследила за моим взглядом.

— Это тётя Галя.

— Ваша родственница?

— Нет. Когда я была маленькая, она жила в соседнем

подъезде. Отец ей доверял. Потом она уехала, и мы потерялись.

— Она может знать про снимок.

Наталья уже доставала телефон. Номер общества краеведов нашёлся быстро, но никто не отвечал.

Я снял плакат на телефон. Внизу, под логотипом фонда, была дата начала работ: через пять дней.

— Если в доме действительно что-то спрятано, — сказал я, — времени у нас немного.

— Или кто-то очень хочет, чтобы мы так думали.

Мы договорились, что к дому вернёмся днём и не будем проникать внутрь без разрешения. Наталья взяла на себя общество краеведов, я — архивные описи и старые газеты.

Уже вечером она прислала мне фотографию последней страницы маминой записной книжки. Среди телефонов, перечёркнутых и переписанных, стояли слова: «Галя. Чемодан. Не выбрасывать».

Под ними — адрес бюро находок на вокзале.

Иногда письмо приходит слишком поздно, чтобы вернуть человека. Но вовремя, чтобы перестать верить чужому молчанию.

А вы стали бы искать ответ, если бы он мог изменить всё, что вы знали о своей семье?

Глава 3

Глава 3 **ЛИШНИЙ ЖИЛЕЦ**

На следующее утро я обнаружил в своей квартире чужую чашку.

Она стояла на кухонном столе, рядом с моим блокнотом. На дне темнели листья мяты. Я не пью мятный чай и такой чашки у меня не было: белая, с отколотой ручкой и тонкой синей полоской по краю.

Замок после ночного происшествия заменили. Я проверил окна: закрыты. Балконная дверь тоже. В ванной полотенце висело криво, но это ещё ничего не значило — я сам мог его задеть.

Я вышел на лестницу и позвонил участковому. Он приехал через сорок минут, осмотрел дверь и щиток, спросил, не оставлял ли я ключи соседям.

— Никому. Кроме матери. Но её давно нет.

— Квартира ваша с какого года?

— С две тысячи пятнадцатого.

Участковый кивнул, попросил не трогать чашку и вызвал коллег. Отпечатки с неё сняли, но предупредили, что результат не обязательно появится быстро и не всегда помогает установить личность.

— Чего-нибудь не хватает? — спросил он.

Я проверил ящики и шкаф. Копия карточки лежала в

блокноте. Оригинала снимка не было.

Я уже успел испугаться, когда вспомнил: вчера оставил его у Натальи. Она хотела сравнить бумагу двух обрывков при дневном свете.

Из моей квартиры пропала только старая жестяная коробка.

— Какая коробка? — уточнил участковый.

— Из-под чая. Мать держала в ней пуговицы. После её смерти она досталась мне.

Я вынул ящик комода. На дне остался светлый прямоугольник без пыли. Туда коробка и помещалась.

— В ней были только пуговицы?

— Кажется, да. Я не заглядывал туда несколько лет.

Он записал и эту деталь. Я понимал, как странно всё звучит: взломщик пробрался в квартиру, выпил чай из принесённой чашки и украл коробку с пуговицами. Но кто-то ведь выбрал именно её.

Когда полиция ушла, я позвонил Наталье. Она уже нашла телефон Галины Серовой. Та жила в другом районе города и согласилась встретиться вечером.

— Я поеду к вам, — сказала Наталья, выслушав меня. — Одному вам сейчас оставаться не стоит.

— А Галине?

— Она будет только после шести. Работает в музее.

Пока я ждал Наталью, пришёл сосед снизу, Андрей. Мы здоровались на лестнице, иногда разговаривали у почтовых

ящиков. Оказалось, он видел полицейскую машину и решил спросить, нужна ли помощь.

— Ночью кто-нибудь заходил? — спросил я.

— Часов в пять был шум. Думал, кто-то переезжает. По лестнице спускали что-то тяжёлое. Потом дверь подъезда хлопнула.

— Вы не посмотрели?

— У меня после ночной смены голова гудела. Поднялся только воды выпить.

Он работал в вокзальном бюро находок. Я вспомнил запись в книжке Натальиной матери.

— У вас там давно вещи хранятся?

— По-разному. Если ценное или с документами — дольше, пока передаём по процедуре. А вы что потеряли?

— Пока не знаю. Ищу Галину Серову.

Андрей помолчал.

— Она у нас была осенью. За чемоданом приходила. Старый, коричневый, с биркой. Но чемодана к тому времени уже не было.

— Куда делся?

— По бумагам его забрал представитель фонда восстановления вокзала. Как исторический предмет. Галина Петровна очень расстроилась.

— И вы отдали?

— Я в тот день был в отпуске. Когда вернулся, увидел акт передачи. Подпись начальника и печать фонда. Всё как по-

ложено — на первый взгляд.

Он замялся.

— Только бирку я запомнил. На акте написано, что внутри была одежда для музейной выставки. А на бирке — «Личные вещи. Не вскрывать без владельца».

Наталья приехала через десять минут. Андрей повторил ей историю с чемоданом, а потом согласился показать копию акта. Не прямо сейчас: он объяснил, что сначала спросит начальника, может ли дать документ посторонним. Меня это даже обрадовало. Я за последние дни слишком часто встречал людей, готовых нарушать правила, если им так удобнее.

Днём мы с Натальей прошли к дому 13. Подвал был закрыт, на двери висел новый замок. Я сфотографировал его и окно рядом: одна рама недавно выбита, под ней лежали мелкие осколки.

Соседний дом не расселили. На скамейке сидела женщина в вязаной шапке. Она сказала, что раньше здесь жил фотограф Лев Маркович. Снимал станцию, сотрудников, детей на праздниках.

— А где он сейчас? — спросила Наталья.

— Умер. Внучка, Вера, квартиру разбирала. Фотоаппарат старый продала, а коробки с фотографиями увезла. Если ищете её, спросите в мастерской на вокзале. Она там снимки печатает.

— Вера какая? Фамилию не подскажете?

— Сальникова. Только не говорите, что я вас отправила.

Она сердится, когда про деда расспрашивают.

По дороге обратно Наталья достала телефон.

— Галина прислала сообщение. «Приходите раньше. Только никому не говорите».

— Она знает о письме?

— Я сказала, что оно от отца. Она сначала молчала, потом спросила, есть ли у меня негатив.

Мы переглянулись. Тот же вопрос, что у неизвестных.

— Снимок ей не отдаём, — сказал я.

— Не отдаём.

У Галины в квартире пахло яблоками и лекарствами. Она открыла дверь в домашнем кардигане, долго рассматривала Наталью, а потом осторожно коснулась её щеки.

— Совсем взрослая, — сказала она. — А я помню тебя с двумя косичками.

На кухне Галина поставила чайник и выслушала нас. При словах о письме она села, не дожидаясь приглашения.

— Сергей просил меня передать его, — сказала она. — Но не сразу. Если он не вернётся и если начнут сносить дом.

— Почему вы не сказали раньше? — спросила Наталья.

— Боялась. И думала, что раз никто не ищет негатив, значит, о нём забыли. Потом пришло уведомление о сносе. Я решила, что больше ждать нельзя.

— Отец жив?

Галина сжала чашку.

— Я не знаю. Последний раз видела его в ноябре девяно-

сто четвёртого. Он передал мне конверт и чемодан. Сказал, что внутри бумаги, которые нельзя оставлять дома.

— А чемодан вы отдали в бюро находок?

— Нет. Его украли из моей кладовки в прошлом году. Потом мне позвонили из бюро: нашли мою бирку. Я пришла, а мне сказали, что чемодан уже забрали.

— Что было в бумагах? — спросил я.

— Я не открывала. Он просил не открывать. Но на вокзале в ту ночь случилось кое-что хуже задержки поезда.

Она посмотрела на Наталью.

— Пропала девочка. Её звали Вера Сальникова.

— Внучка фотографа? — спросил я.

— Да. Ей было девять. Позже мне сказали, что она погибла, но документов я не видела. А Сергей утверждал, что видел её после отправления электрички.

У Натальи на коленях лежала папка с письмом. Она медленно закрыла её.

— Если Вера пропала, как мы можем встретить её в фотомастерской?

Галина побледнела.

— Не знаю. Я впервые слышу, что она вернулась.

Из прихожей донёсся звонок. Галина вздрогнула. Через матовое стекло двери угадывался силуэт человека.

— Кого-нибудь ждёте? — спросил я.

— Нет.

Я подошёл к глазку. На лестничной площадке стоял Ан-

дрей. В руке он держал прозрачный пакет с документом.

— Простите, — сказал он, когда я открыл. — Вы в телефоне уронили бумажку с адресом. Хотел вернуть. И копию акта начальник разрешил показать.

На листе значилась дата передачи чемодана фонду. И подпись получателя: «С. Гордеев».

А ниже, в перечне вложений, кто-то от руки дописал всего два слова:

«Плёнка отсутствует».

Чужая чашка на моём столе была не предупреждением. Кто-то искал коробку, а значит, знал о матери больше, чем я сам.

Вы бы доверились соседу, который появился именно тогда, когда понадобилась помощь?

Глава 4

Глава 4 **ПОСЛЕДНЯЯ ЭЛЕКТРИЧКА**

Из официальной справки следовало, что последняя электричка в ту ночь пришла вовремя.

Это было первое, во что я не поверил.

Не потому, что располагал доказательствами. Просто в разных документах время прибытия отличалось на сорок семь минут, а объяснения этой разницы никто не дал.

Мы сидели у Галины на кухне. Андрей положил копию акта рядом с письмом. Галина провела пальцем по подписи Гордеева и спросила:

— Он лично забирал чемодан?

— Не знаю, — ответил Андрей. — В акте указана подпись. Фонда, говорят, в тот день прислал двух человек. Начальник не запомнил, как они выглядели.

— А плёнка?

— Про плёнку он тоже ничего не сказал. Думал, вы сами знаете, что это.

Галина поднялась и принесла из комнаты книгу об истории местной железной дороги. Между страниц лежала вырезка из газеты. В ней сообщалось о задержке вечернего поезда из-за неполадки на перегоне Берёзки — Сосновка. Под заметкой кто-то написал синими чернилами: «Не на перегоне. У тупика».

— Это почерк Сергея? — спросила Наталья.

— Похож. Вырезку он оставил в книге. Я нашла её уже после того, как он исчез.

Я сфотографировал заметку. Под заголовком стояла дата — 16 ноября. В тексте говорилось о событиях позавчерашнего вечера. Совпадало.

— А справка? — спросил я.

Галина вынула ещё один лист: копию ответа, который получила на свой запрос пять лет назад. В нём сообщалось, что рейс прибыл на конечную станцию в 23:18, согласно журналу движения. В газетной заметке время прибытия было другим — 00:05.

— Журнал мог ошибаться, — сказал Андрей. — Или газета. Без самого журнала не проверим.

— Он в нашем архиве, возможно, — ответил я. — Но если его передали вместе с описью, доступ закрыт.

Наталья прочитала вырезку ещё раз.

— Папа написал «у тупика». Где он находился?

Андрей объяснил: между Берёзками и Сосновкой была служебная ветка к старому складу. Её давно разобрали, но насыпь сохранилась. В девяностых там принимали грузовые вагоны.

— Пассажирский поезд туда бы не пустили, — добавил он. — Если только не переводили стрелку специально или не вытаскивали неисправный состав.

— Кто мог перевести?

— Тогда — дежурный по станции или стрелочник, в зависимости от участка. Не буду выдумывать: схемы надо смотреть.

Галина достала из ящика очки и снова взяла письмо Сергея. За вечер она успела прочитать его несколько раз.

— Он говорил, что фотография не о поезде, — сказала она. — О том, кто стоял рядом. Я не поняла тогда.

— А про Веру что-нибудь говорил?

— Что её нельзя искать обычным способом. Я решила, что он скрывает её от кого-то. Но не знала, где она и жива ли вообще.

Наталья посмотрела на неё так, что Галина опустила глаза.

— Вы столько лет ничего не рассказывали.

— Да.

— Даже когда мама искала его.

— Я знаю.

Это не было оправданием. Галина и не пыталась оправдаться.

Мы договорились разделиться. Я должен был выяснить, можно ли посмотреть журнал. Наталья — найти Веру Сальникову в фотомастерской. Андрей обещал проверить старую схему ветки в вокзальной библиотеке. Галина предложила написать подробное объяснение о письме и передаче чемодана, чтобы приложить его к заявлению Натальи.

У выхода Наталья задержала меня за рукав.

— Как вы думаете, она говорит правду?

— Не знаю. Но она не стала уверять, что всё сделала правильно.

— Иногда это тоже способ заставить себе поверить.

В архиве Тамара Львовна встретила меня у входа.

— Гордеевские специалисты уже здесь. Двое. С распоряжением начальства. Опись смотрят в отдельной комнате.

— Они заберут документы?

— Пока нет. Им разрешили сверку на месте. Я настояла, чтобы составили список каждого дела.

— Журнал движения за ноябрь девяносто четвёртого есть?

— Был. Сейчас проверим каталог.

В каталоге журнал значился в соседнем фонде, не входившем в закрытую опись. Мы оформили выдачу и вместе подняли тяжёлый переплетённый том. Страницы пахли пылью и машинным маслом. На развороте за 14 ноября в графе прибытия вечернего рейса стояло 23:18.

Только чернила цифр отличались по цвету. Остальные записи были фиолетовыми, а время — почти чёрным.

— Исправление? — спросил я.

— Возможно. Без экспертизы не скажешь, — ответила Тамара Львовна. — Человек мог просто сменить ручку.

Я заглянул под лампу. В бумаге виднелись продавленные следы других цифр, но разобрать их я не смог. Мы сфотографировали страницу и оформили копию. Тамара Львовна указала в служебной записке, что заметила возможное ис-

правление.

— Это не экспертиза, — сказала она. — Но хотя бы останется запись, что страницу видели такой.

За дверью послышались голоса. Один из специалистов спросил, где найти материалы по станции Берёзки. Тамара Львовна ответила, что все доступные материалы выдаются по установленной форме. Я забрал копию и вышел через читальный зал.

Наталья встретилась мне у вокзала. Она держала в руках конверт с фотографиями, лицо было напряжённым.

— В мастерской работает Вера Сальникова. Ей около пятидесяти, возраст подходит. Но она сказала, что деда не помнит и про девочку слышит впервые.

— А соседка утверждала обратное.

— Я спросила про Льва Марковича. Вера закрыла мастерскую на обед и попросила уйти. Потом догнала меня у выхода и дала вот это.

В конверте лежали три отпечатка. На первом — вокзал зимой. На втором — та же платформа, что на разорванном снимке, только пустая. На третьем — женщина с девочкой. На обороте было написано: «Вера. Лето 1993».

— Она сказала, кто на фотографии?

— Сказала: «Покажите Галине. Она узнает». И ещё попросила не приходить за ней домой.

— А как она узнала про Галину?

— Я сама назвала её имя. До этого Вера собиралась меня

выставить.

Телефон Натальи зазвонил. Она посмотрела на экран и побледнела.

— Галина.

Из динамика я слышал только обрывки слов. Наталья несколько раз переспросила адрес, потом убрала телефон.

— К ней пришли двое. Сказали, что из фонда и заберут оставшиеся документы для выставки. Она не пустила. Они ждут у подъезда.

Мы вызвали полицию и поехали к Галине на такси. Когда добрались, у подъезда уже стояла патрульная машина. Двое мужчин показывали документы сотруднику. Они действительно предъявили удостоверения фонда и сказали, что пришли согласовать передачу семейных материалов. Галина подтвердила: никакой встречи не назначала.

Полицейский записал их данные и объяснил, что уходить из квартиры с чужими вещами без согласия хозяйки нельзя. Мужчины спорить не стали. Один из них, уходя, посмотрел на меня, но я не узнал в нём посетителя архива.

В квартире Галина рассмотрела фотографию девочки и медленно кивнула.

— Это Вера. А рядом её мать, Лариса.

— Вы точно уверены? — спросила Наталья.

— Я сама снимала. Лев Маркович попросил сфотографировать их вместе. На обороте моя подпись.

— Тогда почему Вера говорит, что ничего не помнит?

— Может, действительно не помнит. После той ночи девочку увезли в больницу. Сергей говорил об этом. Но когда я попыталась узнать, в какую, он уже пропал.

Я рассказал о записи в журнале. Галина долго молчала, потом встала и вынула с верхней полки альбом. На последней странице был вклеен билет на электричку. Дата едва читалась, но время отправления сохранилось: 21:42.

— Я ехала этим поездом, — сказала она. — До Берёзок. Вышла раньше, потому что должна была встретить Сергея. Я видела, как он спорил с начальником станции.

— Из-за чего?

— Не слышала. Потом кто-то крикнул с платформы. Сергей побежал к последнему вагону. Я увидела девочку в красной шапке и женщину рядом. А ещё человека с фотоаппаратом.

— Льва Марковича?

— Не знаю. Лицо закрывала камера.

— Вы видели, как они сели в поезд?

— Женщина — да. Девочка осталась на платформе. Помню, потому что хотела к ней подойти, но поезд тронулся и загородил её. Когда последний вагон прошёл, девочки уже не было.

— Почему вы не сообщили об этом тогда? — тихо спросила Наталья.

— Сообщила. Дала показания. Через месяц меня вызвали снова и показали протокол. Там было написано, что девочка

села в вагон вместе с матерью. Я сказала, что это неправда. Следователь ответил, что я перепутала.

— У вас осталась копия?

— Нет. Тогда мне её не дали. Но я помню фамилию следователя: Котов. Её можно найти в деле.

С улицы донёсся гудок поезда. Галина вздрогнула и прижала ладонь к груди. Наталья налила ей воды.

Я посмотрел на билет. На обратной стороне, почти незаметно, был нарисован прямоугольник и цифра семь.

— Это вы нарисовали?

— Нет. Билет лежал в книге, которую Сергей вернул мне перед исчезновением. Рисунок я заметила только потом.

Семь. На папке, в которой я нашёл карточку, стоял тот же номер описи. Но это могло быть и совпадением.

Я повернул билет к свету. Под прямоугольником виднелись ещё три буквы: «КАМ».

— Камера? — предположила Наталья.

— Камера хранения, — сказал я. — Или фотоаппарат. Или что-то ещё.

Андрей, которому я отправил снимок, ответил почти сразу: «На старом вокзале камеры хранения были в левом крыле. Секция семь — у служебного выхода. Снесли при ремонте в 2002-м».

Я пе

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.